

ГИРШ ХАНИН

Непрошенный советник

Пересчет советских темпов роста

В 1972 году я защитил кандидатскую диссертацию по фондовым биржам капиталистических стран. В то время я являлся единственным научным работником в этой области в СССР и для защиты докторской диссертации на ту же тему много времени не потребовалось бы. Однако я был погружен в исследование проблем советской экономики и судеб советского общества. Любая публикация или диссертация на такую тему была немыслима, по крайней мере в обозримом будущем. В то время преследовались даже менее опасные исследования на ту же тему. Я не исключал и прямых репрессий со стороны властей. Но моя молодость, научное любопытство и гражданская ответственность возобладали.

Я начал оценивать реальные темпы роста советской экономики начиная с 1955 года. Мой непосредственный начальник в Научно-исследовательском институте систем управления Министерства приборостроения СССР В. Образ и директор института Ф. Солодовников поддерживали эти исследования. В течение года я получил существенные результаты, кото-

рые выявили непрерывное падение темпов экономического роста начиная с конца 1950-х годов. Согласно моим расчетам и вопреки широко распространенному мнению советских и западных ученых, восьмой пятилетний план (1966—1970) не был исключением из этой тенденции. Исходя из факта исчерпания экстенсивных факторов роста, я пришел к выводу, что замедление должно привести к стагнации в середине 1980-х годов. Читая в спецхранах библиотек западную литературу, я знал, что американские экономисты давали более оптимистическую оценку. Я анализировал причины наших расхождений и был уверен, что мой подход является правильным¹. Это объяснялось не только тем, что мои оценки были получены другими методами, но и осознанием всеобщего характера проблем советского общества в тот период.

Мои исследования указывали на приближающийся экономический и социально-политический кризис.

¹ Эти результаты были впоследствии опубликованы в книге: **Г. И. Ханин**. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. Англоязычный обзор см.: **M. Harrison**. Soviet Economic Growth since 1928: Alternative Statistics of G. I. Khanin. — «Europe-Asia Studies». 1993. Vol. 45. № 1.

Я полагал, что, чем скорее этот факт будет признан, тем скорее советские лидеры осуществят экономические реформы. У меня не было сомнений, что они должны носить рыночный характер². Как и ряд других советских экономистов, я был горячим сторонником рыночной экономики и считал, что переход к регулируемому рынку не только подтолкнет экономическое развитие, но будет способствовать также и демократизации советского общества.

Первая возможность обнародовать полученные мною результаты представилась летом 1976 года на проводившейся ежегодно летней конференции ЦЭМИ в Звенигороде³. Мой друг Виктор Волконский, уважаемый сотрудник института, с одобрения своего руководства пригласил меня выступить. Кроме того, на мое выступление согласился председательствующий (кажется, Н. Петраков).

Скрытый рост цен, преувеличение темпов роста производства и другие негативные тенденции не были секретом для участников конференции. Как я позже узнал, аналогичные расчеты производились в ЦЭМИ С. Шаталиным и Б. Михалевским еще в середине 1960-х годов⁴. Кроме того, альтернативные оценки уровня производства промышленной продукции в целом и в отдельных ее отраслях рассчитывались в других исследовательских институтах. Тем не менее, по всей видимости, наибольшее воздействие на аудиторию оказали масштаб моих расчетов и разнообразие

оценок, часть из которых никем ранее не использовалась (на тот период я применял три метода для оценки динамики промышленной продукции и два — для оценки динамики национального дохода). Произвел впечатление и тот факт, что вся представленная работа была произведена одним человеком.

Мои результаты оказались более пессимистическими, чем у других исследователей. Убедительно был обоснован вывод о прекращении экономического роста. После выступления на меня обрушился вал вопросов относительно использовавшейся методологии и полученных результатов. На моем докладе присутствовало около 40 человек из ЦЭМИ и других экономических институтов Москвы. Тем не менее, учитывая связи среди экономистов, мои выводы вскоре стали широко известны среди московских экономистов.

Следующее за конференцией событие характеризует политический климат в стране в то время. Когда я подробно рассказал о своем выступлении моему другу В. Шляпентоху, он серьезно спросил меня, не заметил ли я за собой слежки. Более чем через десять лет после нашего разговора журнал «Огонек» опубликовал материал об украинском экономисте, который занимался подобной же работой, что и я, и был осужден на семь лет заключения, после того как в его квартире нашли соответствующие расчеты.

В течение последующих трех лет я изобрел несколько новых методов оценки реального роста промышленной продукции, национального дохода, основных фондов и материалоёмкости продукции. Последние две оценки я считаю своими самыми крупными достижениями. Соответствующие данные не исчислялись ни на Западе, ни в СССР (либо исчисля-

² В начале 1980-х годов, после тщательного изучения советской истории, наиболее вероятным я считал возврат к сталинской модели экономики.

³ Некоторые события могли выпасть из моей памяти, а потому я не настаиваю на абсолютной точности своего отчета.

⁴ См. также: **M. Ellman, V. Kontorovich.** The Collapse of the Soviet Union and Memoir Literature. — «Europe-Asia Studies» 1997. Vol. 49. № 2.

лись крайне ошибочно). Я написал 250-страничный текст, содержащий исходные данные и детальные результаты моих расчетов. Мои друзья, коллеги и начальники, читавшие его или слушавшие мои выступления, реагировали положительно.

Попытки проинформировать руководителей государства

Тем временем советская экономика продолжала деградировать. Я решил, что пришло время, чтобы моя работа оказала влияние на движение страны в более конструктивном направлении. Я тщательно следил за советской прессой и понял (и время это подтвердило), что внутри руководства страны или в его окружении имеются реформистские силы. Работы Ф. Бурлацкого, Г. Шахназарова и В. Загладина, академиков Г. Арбатова и Н. Иноземцева, публицистов А. Бовина и Э. Генри отличались по манере и содержанию от тупого догматизма, преобладавшего в советской научной литературе. Очевидно, что эти люди имели поддержку влиятельных политиков. Я не знал, кто эти политики, — но, как показало время, переоценивал их способность к политическим действиям.

Я решил привлечь внимание советского руководства к результатам своей работы, надеясь, что они помогут сформулировать новый экономический и политический курс страны. Кроме того, я искал способ легализации своих исследований. У меня была мысль передать их в самиздат — но я не хотел рисковать своей свободой, вступая в прямую конфронтацию с властью. Письма, которые я посылал в адрес руководителей государства, содержали двух-трехстраничное описание полученных мной результатов. Более детальные расчеты я предлагал

представить при наличии соответствующей просьбы. Письма заканчивались выводом о надвигающейся экономической стагнации и необходимости для ее предотвращения проведения экономических реформ. Эти реформы должны были значительно увеличить степень самостоятельности предприятий и расширить рыночные отношения.

Я отнес письмо на имя Л. И. Брежнева к хорошо известному угловому зданию, где принимались письма, адресованные ЦК КПСС. Мне сообщили, что мое письмо получено и отправлено в соответствующий отдел ЦК партии. На этом закончилась наша переписка⁵. Письмо, адресованное Н. Байбакову, попало в руки председателя сводного отдела Госплана СССР В. Воробьева. Он принял меня и был весьма вежлив, но напряжен во время нашего разговора — возможно, опасаясь его последствий. Много позже я узнал, что примерно в то же время он сам представил доклад о состоянии советской экономики, содержащий аналогичные моим идеи об инфляции, реальном экономическом росте и надвигающихся опасностях⁶.

Я начал искать менее прямой и публичный путь для передачи своего послания руководству страны: ведь в его среде мог быть кто-либо, кто скрывает свои взгляды и нуждается в моих исследованиях для начала политической борьбы. Изучая биографии членов Политбюро в поисках скрытого ревизиониста, я нашел всех их посредственностями. Единственным из них, кто, казалось, выделялся, был А. Шелепин (конечно, я сильно ошибался в отношении его политических взглядов). В то время Горбачев еще не

⁵ Не помню, писал ли я А. Н. Косыгину.

⁶ См. **Н. К. Байбаков**. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 129—132.

являлся ни членом Политбюро, ни секретарем ЦК.

Я составил список самых талантливых советских ученых и публицистов, кто мог быть связан с ревизионистами в советском руководстве. Он получился коротким, поскольку в стране мало кто обладал этими редкими качествами. Кроме того, я изменил форму представления своих взглядов, написав двадцатистраничную записку с детальным описанием методологии, результатов и прогнозом на 1990 год. В ней предсказывалось полное прекращение экономического роста уже в середине 1980-х. Пожилая московская машинистка, которая печатала записку, с гордостью сообщила, что в жизни ей приходилось печатать немало важных и секретных документов. Вручая мне отпечатанный текст, она сказала с симпатией: «Это бомба!»

Первым, кто ознакомился с моей запиской, был Александр Бовин, автор блестящих антидогматических статей в газете «Известия», долго работавший сотрудником ЦК КПСС. Мы встретились в его кабинете в редакции «Известий». Он сказал, что не является экономистом и ему трудно оценить мою методологию, но полагает, что в целом я прав. Однако он не выразил желания пойти дальше нашей встречи. Бовин с горечью высказался о происходящем в стране и достаточно определенно заявил: «Когда он умрет, мы начнем с начала». Это только подтвердило мое предположение о наличии оппозиции в партии, но я был потрясен ее беспомощностью. Предположим, Брежнев не умрет еще лет десять. Значит ли это, что страна должна и дальше катиться вниз?

Моим вторым потенциальным посредником был Эрнст Генри, чьи книги «Гитлер против Европы» и «Гитлер против СССР» произвели на меня

огромное впечатление еще в юности⁷. Его статьи о Китае и международных отношениях были несравненно оригинальнее и ярче, чем что-либо в советской политической литературе. Его тексты о Мао Цзэдуне целились не только в китайского лидера, но и в Сталина, который в то время оценивался в целом позитивно. В наших разговорах, как и в своих публикациях, Генри показал себя твердым противником всех форм тоталитаризма. У него было невысокое мнение о брежневском режиме, и он предвидел его неминуемый крах. Я никогда не отмечал у него враждебности по отношению к Западу. Напротив, многие аспекты жизни в Англии он оценивал выше, чем в СССР.

Э. Генри прочитал мою записку и передал ее своему другу времен Коминтерна С. Далину, одному из крупнейших советских экономистов. (Он неохотно упомянул эту фамилию в нашем последнем разговоре, опасаясь последствий для него от вовлечения в данное дело). Положительное отношение Далина в большой степени определило и уважение Генри ко мне. Когда я заявил последнему о надвигающейся стагнации, он добавил: «...а потом и спад». Такая мысль приходила мне в голову, поскольку мои расчеты выявляли эту тенденцию, но в то время она казалось столь невероятной, что я даже не рискнул о ней написать. Под влиянием нашего разговора я рассмотрел и эту возможность, вскоре включив ее в свой прогноз.

Генри хвалил Андропова, который, по его словам, читал Гегеля. Он так-

⁷ Эрнст Генри — псевдоним. По его собственным словам, сказанным мне, его настоящее имя — С. Ростовский. Недавно стало известно, что и это — тоже псевдоним. В последние несколько лет в российской и западной прессе сообщалось о связях Э. Генри с НКВД и его роли в советском шпионаже в Англии перед войной. Вероятно, в этих утверждениях немало правды.

же хвалил В. Загладина и Г. Шахназарова, известных функционеров ЦК, занимавшихся международным коммунистическим движением, которые разделяли его взгляды. Наши встречи продолжались в течение двух лет. Но после стал избегать их — вероятно, из-за моей репутации полудиссидента. Однажды Э. Генри пообещал передать мою записку В. Загладину (в то время первому заместителю начальника Международного отдела ЦК КПСС), но впоследствии уклонился от этого намерения.

Третьим потенциальным посредником оказался Василий Селюнин, популярный журналист газеты ЦК КПСС «Социалистическая индустрия». Вскоре после нашего знакомства я понял, что у него нет никаких связей «наверху». Тем не менее у нас установились дружеские отношения, продолжавшиеся вплоть до его смерти. Наша совместная статья «Лукавая цифра» в журнале «Новый мир» в большой степени открыла эпоху «гласности».

Кроме того, я доверял двум близким к правящим кругам академическим институтам — Институту США и Канады и Институту мировой экономики и международных отношений. В конце 1970-х годов я послал письмо с кратким изложением полученных мной результатов академику Г. Арбатову. Дружеское письмо, подписанное В. Кудровым, содержало предложение представить статью для публикации в трудах института, предназначенных для внутреннего пользования. Но когда я ее написал и послал Кудрову, то не получил никакого ответа.

Одновременно я имел беседу в том отделе Института мировой экономики и международных отношений, где обсуждалась моя диссертация. Его возглавлял С. Никитин — очень достойный человек, специалист по экономическим индексам. Позднее он рассказал мне, что в конце 1950-х

годов по просьбе академика Е. Варги оценивал реальные темпы роста советской экономики. Проект был прекращен из-за враждебного отношения со стороны ЦК КПСС. И он, и Варга имели неприятности из-за проделанной работы.

На моем выступлении присутствовало около 30 человек. Я представил детальное изложение своих методов и прогноз, согласно которому в середине 1980-х годов начнется спад ВВП. Никитин разделял мое мнение о мрачных перспективах советской экономики. Было ощущение мрачного будущего и невозможности изменить его.

Борьба за публикацию результатов

Я решил вычленить менее опасные с политической точки зрения части моей работы (методологию, иллюстрируемую примерами из отдельных отраслей экономики) и представить их в качестве докторской диссертации. Первым шагом к защите была публикация ее результатов. В. Волконский представил мою статью для публикации в журнал «Известия Академии наук СССР. Серия экономическая» и убедил своего друга и главного редактора журнала А. Анчишкина попробовать ее опубликовать. Я благодарен последнему за его усилия по ее публикации, несмотря на имевшийся для него риск. В то время Анчишкин был одним из самых влиятельных советских экономистов, и его поддержка была для меня весьма важной.

Важнейшим элементом, необходимым для прохождения первой публикации⁸, был выбор заголовка и манеры

⁸ См. Г. И. Ханин. Альтернативная оценка результатов хозяйственной деятельности производственных ячеек промышленности. — «Известия Академии наук СССР. Серия экономическая». 1981. № 6.

изложения. Я исключил абсолютные цифры. Были приведены только соотношения для изложения разницы в результатах, полученных использованными мною методами. Основное внимание в статье было уделено объяснению методологии расчетов и качественным выводам, вытекающими из скрытых альтернативных оценок. Любой квалифицированный экономист мог легко рассчитать абсолютные величины, опираясь на описанную методологию и приведенные соотношения. Однако, насколько мне известно, никто в СССР не попытался это сделать, и в отечественной науке статья прошла почти незамеченной, поскольку журнал имел небольшой тираж. Тем не менее благодаря Алеку Ноуву, который извлек из нее всю возможную информацию, статья стала известна на Западе уже в 1983 году⁹. Другая публикация появилась в том же журнале и была написана аналогичным способом¹⁰.

Мои попытки защитить докторскую диссертацию начались с ЦЭМИ. Хотя он возглавлялся такими либерально мыслящими экономистами, как Н. Федоренко и Н. Петраков, институт не был готов пойти на такое рискованное предприятие. Институт Госплана СССР, возглавлявшийся более консервативными экономистами, изучал диссертацию несколько месяцев. Ее защита в Институте экономики Сибирского отделения АН СССР, возглавлявшегося А. Аганбегяном, исключалась: ведь именно последний добился моего изгнания из Новосибирского университета в начале 1970-х годов. Через несколько лет

он потребовал расследования моих «сомнительных» высказываний относительно использования мировых цен для оценки деятельности производственных предприятий¹¹.

Поскольку диссертация требовала внешнего рецензента, я решил выступить в Институте системных исследований АН СССР и ГКНТ. Заместитель директора института С. Шаталин, имевший репутацию либерала, принял предложение о моем выступлении и назначил его на весну 1986 года. К этому времени я уточнил свои методы оценки роста основных фондов. Новый метод показал более резкое падение темпов роста последних. Вместе с другими факторами это означало в дальнейшем и большее падение национального дохода. Согласно моим расчетам, сохранение существующих тенденций вело к падению национального дохода на 20 процентов к 1990 году.

Вдохновленный началом «перестройки», я обнародовал прогноз в своем докладе. Вся аудитория умещалась в одной комнате. Одним из первых был вопрос: «Я не понимаю, почему мы должны слушать эту антисоветчину?» Я спокойно ответил, что не вижу антисоветчины, а только изложение фактов. К моему удивлению, вопросов было немного. Сам Шаталин задал несколько незначительных и даже странных вопросов, поблагодарил меня, объявил семинар законченным и удалился в свой кабинет. Когда я начал собирать свои таблицы, одна из сотрудниц сказала: «Вы не заметили, как он нервничал во время Вашего выступления? Он прервал дискуссию, когда заметил, каким опасным является доклад». Когда я вошел в кабинет Шаталина, тот заторопился на какую-то встречу. Когда мы прощались

⁹ A. Nove. Has Soviet growth Ceased? Paper presented to the Manchester Statistical Society 15 of November 1983.

¹⁰ См. Г. И. Ханин. Пути совершенствования информационного обеспечения сводных плановых расчетов. — «Известия Академии наук СССР. Серия экономическая». 1984. №3.

¹¹ Спустя несколько лет я обнаружил, что Аганбегян позднее выдавал эту идею за свою собственную.

в фойе, он сказал: «Единственный человек, который может Вам помочь, — это Горбачев».

Для защиты диссертации оставался только возглавляемый А. Анчишкиным Институт народнохозяйственного прогнозирования. Я имел дело прежде всего с его заместителем Ю. Яременко, честным и компетентным экономистом. Институт рассматривал мою диссертацию в течение двух лет; она несколько раз благожелательно обсуждалась. Однако Ю. Яременко не рискнул поставить ее на защиту даже в 1986 году, уже после начала «перестройки», и в конце концов вернул ее мне.

Получив твердые заверения о постановке на защиту диссертации в Институте народнохозяйственного прогнозирования, я уволился с моей работы на полставки в Институте повышения квалификации Министерства промышленности строительных материалов, в котором я работал несколько лет. Когда дело с защитой провалилось, летом 1986 года я был вынужден вернуться в Новосибирск. Работу по специальности найти не смог и был вынужден на полгода пойти работать в соседнем городе в среднюю школу учителем географии. Осенью 1986 года меня пригласили на работу в Тувинский комплексный институт Сибирского отделения АН СССР в Кызыле. В Новосибирск я вернулся в 1989 году и устроился в организацию, которая занималась программированием.

С 1987 года я смог публиковать свои работы, не испытывая ограничений. Государственные власти все еще не проявляли интереса к моим исследованиям, хотя к этому времени они были уже хорошо известны в СССР и за рубежом. Только в 1989 году по рекомендации В. Волконского я был включен в комиссию по совершенствованию статистики производства

и цен. Я посетил одно из ее заседаний, но больше не получал материалов этой комиссии. Партийные и государственные чиновники, как и руководители экономических институтов, оценивали ученых на основе их статуса и уровня лояльности. Оценка по другим критериям была неприемлема.

Советские экономисты и Советская власть

В 1970—1980-е годы существовали (пусть и ограниченные) возможности вести научные исследования и делиться своими взглядами с научным сообществом даже по таким очевидно чувствительным темам, как достоверность статистики. Еще до появления моей первой публикации по этой теме я мог публично и неоднократно говорить о своих исследованиях без риска подвергнуться преследованиям. Я думаю, что мой опыт был более типичным, чем случай вышеупомянутого украинского экономиста. КГБ Украины было известно своим рвением в искоренении диссидентов. Не стану преуменьшать достоинства моих непосредственных начальников, но я не слышал, чтобы они имели неприятности из-за моих исследований.

Советские официальные лица и ученые давно знали об искажениях в официальной статистике. Существовали многочисленные дискуссии по этим вопросам, продолжавшиеся и в период после 1920-х годов¹², концентрировавшиеся на вопросах методологии. Публикация альтернативных оценок была запрещена, однако такие оценки делались. Я знаю о таких оценках для всей экономики, сделанных С. Никитиным, С. Шаталиным и

¹² См. Г. И. Ханин. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991.

Б. Михалевским. Оценки для отдельных отраслей были более многочисленны. Научное сообщество было чрезвычайно заинтересовано в этих результатах. А вот партийные и государственные органы чрезвычайно настороженно относились к альтернативным оценкам, ибо они разрушали миф о преимуществах плановой экономики. Особенно характерно это было для периода после 1960-х годов, когда СССР стал ощутимо проигрывать экономическую гонку с капиталистическими странами.

В то же самое время, когда государственные и партийные органы опасались альтернативных оценок, они испытывали необходимость в объективной информации. Во второй половине 1970-х годов официальная статистика воспринималась всеми информированными людьми как лживая. Существовало всеобщее согласие в констатации факта печального состояния экономики и ее неизбежного упадка. Однако, чем выше был уровень иерархии, тем более враждебным становилось отношение к обнародованию данных об истинном состоянии экономики, ибо это означало осуждение экономической политики «верхов».

Представляется, что КГБ и его высшее руководство были более заинтересованы в выявлении истинного положения в экономике, поскольку в меньшей степени участвовали в определении экономической политики. Кроме того, будучи хорошо осведомленными об ухудшении экономического положения, органы госбезопасности опасались за будущее всей системы. Но даже КГБ действовал со связанными руками, так как слишком большое проявление самостоятельности могло создавать проблемы. Странный случай, произошедший со мной летом 1982 года, показал, что не только экономисты интересуются

моими работами. Во время прогулки ко мне подошел мужчина и заявил, что он полковник КГБ, в подтверждение показав служебное удостоверение. После невинного разговора он пригласил меня в воскресенье на прогулку на катере. Поскольку я опасался КГБ и его грязных трюков, я отклонил это приглашение. Никаких дальнейших попыток контакта не последовало.

Позже, обдумывая значение этого приглашения, я пришел к выводу, что КГБ интересовался моими исследованиями и хотел получить дополнительную и объективную информацию о действительном состоянии советской экономики. От Татьяны Корягиной, которая тогда работала в научно-исследовательском институте Госплана СССР, я узнал, что примерно в это же время КГБ проявил большой интерес к работе плановиков. Они беседовали со многими работниками института и самого Госплана, пытаясь выявить причины неудач экономики и низкой эффективности плановых учреждений.

При существовавшей тогда структуре партийных и государственных органов любая идущая вразрез с общей линией инициатива, даже высокопоставленного чиновника, подавлялась — независимо от того, как это сказывалось на интересах системы в целом. Чиновники усвоили уроки многочисленных «антипартийных группировок». Система сама «загоняла себя в угол». К этому времени у советских официальных лиц высшего эшелона, как правило, не хватало гражданского мужества или приверженности коммунистической идеологии для совершения самостоятельных шагов, даже если они непосредственно не угрожали жизни или свободе. Чувство протеста, сложившееся в среде партийного и государственного аппарата, не

материализовалось в конкретные действия.

Хотя советское руководство знало об искажениях советской статистики и ухудшающемся экономическом положении, истинные размеры надвигающегося кризиса недооценивались. Частично это было связано с отсутствием достоверных альтернативных оценок экономического роста. Более того, советское руководство не сумело осознать природу надвигавшегося общесистемного кризиса как следствия предшествовавшего развития. Официальный научный мир не смог

предоставить ему необходимой информации, в то время как неофициальный — не имел доступа «наверх».

Позитивное отношение к проведению рыночных реформ было распространено достаточно широко. Однако их сторонники не чувствовали себя в безопасности и боялись высказываться о них из страха быть обвиненными в ереси и исключенными из правящего слоя. Они уповали на смерть Л. И. Брежнева и предстоящий кризис, надеясь прорваться к власти, — и лишь после этого начать необходимые реформы. ◆